

УДК [940 + 902/904 (4)] (082)
ББК 63.48(4) + 63.3(0)2 ++ 63.3(0)4
Г 516

Першы нумар зборніка выйшаў у 1927 г., выданне адноўлена ў 1993 г.

Рэдакцыйная калегія:

В. Вяргей (адказны сакратар), канд. гістар. навук, А. Іоў (намеснік адказнага сакратара), канд. гістар. навук, А. Калечыц (галоўны рэдактар), докт. гістар. навук, Г. Карзэнка (нам. галоўнага рэдактара), докт. гістар. навук, М. Крывальцэвіч, канд. гістар. навук, А. Макушвікаў, канд. гістар. навук, І. Марзалюк, докт. гістар. навук, В. Рабцэвіч, докт. гістар. навук, С. Расадзін, докт. гістар. навук

Рэдакцыйна-выдавецкая група:

В. Вяргей (кіраўнік), А. Іоў, М. Крывальцэвіч, А. Мяцельскі

Рэцэнзенты:

І. Марзалюк, докт. гістар. навук
С. Расадзін, докт. гістар. навук
В. Лакіза, канд. гістар. навук

Г 516 Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 22. — Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. — 262 с., іл. — Бібліяграфія ў канцы артыкулаў. Рэз. на англ. мове

ISBN 985-6769-23-X

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі працягвае выдаць «Гістарычна-археалагічнага зборніка». У чарговым нумары змешчаны матэрыялы навуковай канферэнцыі «Археалогія і матэрыяльная культура: інтэрпрэтацыя археалагічных даных», прысвечанай 200-годдзю з дня нараджэння Канстанціна Тышкевіча — аднаго з заснавальнікаў навуковай археалогіі ў Беларусі і Літве. Канферэнцыя адбылася 10—11 лютага 2006 года ў Інстытуце гісторыі НАН Беларусі.

Зборнік разлічаны на археолагаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, тых, хто цікавіцца старажытнай гісторыяй і культурай Беларусі.

У афармленні вокладкі выкарыстаны малюнак бронзавай сякеры эпохі бронзы (вынайдкова знаходка каля в. Камень Кобрынскага р-на Брэсцкай вобл., гл. адпаведны артыкул Мікілы Крывальцэвіча ў зборніку).

© Калектыў аўтараў
© Афармленне: Інстытут гісторыі
НАН Беларусі
© Афармленне вокладкі: А. Іоў

ISBN 985-6769-23-X

Олег Макушников (Гомель)

МЕЖДУ ГНЕЗДОВО И КИЕВОМ: МОХОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС X—XI ВВ. НА ЮГО-ВОСТОКЕ БЕЛАРУСИ

Гнездово-Смоленск, Киев, Новгород Великий, Полоцк, Чернигов и иные восточнославянские центры IX—X вв. сыграли основополагающую роль в процессе становления феодальной государственности Руси и включения этой державы в сложную систему Евразийских политических, торгово-экономических и культурных отношений. Совершенно очевидно, что не только они, но и целый ряд других, относительно небольших или малоизвестных летописцам и археологам населенных пунктов рассматриваемого периода (наделенных военно-политическими и прочими функциями) внесли свой вклад в развитие этих процессов. В последние годы на юге Белорусского Поднепровья изучается Моховский археологический комплекс, который в определенной степени является культурно-историческим аналогом Гнездова, Шестовицы и прочих памятников подобного круга. Это тем более интересно, что памятники находятся в начале (Гнездово) и конце (Мохов) «верхнеднепровского отрезка» великого «пути из варяг в греки», а Шестовица «запирает» его «деснинский» отрезок. Мохов расположен в 8—9 км севернее райцентра Лоев Гомельской обл., на правом берегу Днепра, чуть выше устья р. Сож.

Моховские памятники X—XI вв. состоят из могильника (в конце XIX в. он насчитывал свыше 600 курганов, сейчас сохранилось вместе со следами разрушенных — не менее 250), поселения с остатками предполагаемого мысового городища (их общая площадь не менее 25 га). Первые раскопки курганов провел в 1890 г. В.З. Завитневич (Завитневич, 1892). В 2003—04 гг. работы были продолжены Гомельским госуниверситетом им. Ф. Скорины под руководством О.А. Макушникова (Макушников, 2004, с. 131—134). Всего вскрыто 37 курганов (в т. ч. В.З. Завитневичем — 26) и небольшие участки поселения. Исследования могильника выявили необычную для региона картину. Во-первых, это — разнообразие погребального обряда (труположения и трупосожжения). Во-вторых, сожжений оказалось много — около 35—38%. В-третьих, кроме обычной западной ориентировки умерших, отмечена восточная и северная. Возможно, в последнем случае имеют место захоронения выходцев из финно-угорских областей. В-четвертых, необычным для низовий Верхнего Днеп-

ра выглядит использование камней для обустройства околмогильного пространства некоторых курганов. В-пятых, в трех курганах с ингумацией (раскопки В.З. Завитневича) выявлены остатки деревянных камерных гробниц, которые признаны в науке элементом «дружинной культуры» Руси и широко известны в Гнездово, Шестовице и др. В Мохове они наземные и своей конструкцией сближаются с камерами-склепами Волини (Моця, 1990, с. 99—107). В-шестых, в Мохове отмечается распространение предметов кривичского, балтского, прибалтийско-финского происхождения, которые имеют аналогии в кривичских (славяно-балтских) древностях Северной Беларуси, Гнездова и др. «Северные» элементы культуры Мохова представлены кривичскими браслетообразными височными кольцами (рис. 1: 1—5, 9, 10), остатками лапгальской накидки-виллайне и др. На могильнике случайно найдены горшки со жжеными костями, перетянутые железными кручеными обручами (скандинавская традиция). Такой обычаем, в частности, известен в Гнездове (Авдусин, 1974). В-седьмых, в погребениях Мохова встречены оружие и воинские принадлежности (топоры, копьё, детали поясов, железные браслеты, перстни и пр.) (рис. 2: 1—11). Нетипичными для сельских курганов выглядят ножницы, ведро, карманные весы (рис. 1: 7), весовая гиришка-разновес. Такие предметы характерны для «дружинных» могил Древней Руси X—XI вв., в т. ч. Гнездова. В-восьмых, необычным представляется обнаружение в трех курганах Мохова (раскопки последних лет) монет: чешского денария короля Болеслава II 972/3—999 гг., 2-х обломков сребреников великого киевского князя Владимира Святославича, остатков брактеата X—XI вв. с ушком (Рябцевич, 2005, с. 93—94). В-девятых, примечательно отсутствие в погребениях элементов культуры местного дреговичского и радимичского населения, курганные захоронения которого с этноопределяющими украшениями локализируются в 6—20 км от изучаемого комплекса (дреговичские в Абакумах и Холмече, радимичские в Студеной Гуте).

Захоронения Мохова датируются X—XI вв., большинство комплексов — второй половиной X — первой половиной XI вв. Самым ранним является набор украшений и принадлежностей костюма из кург. 77

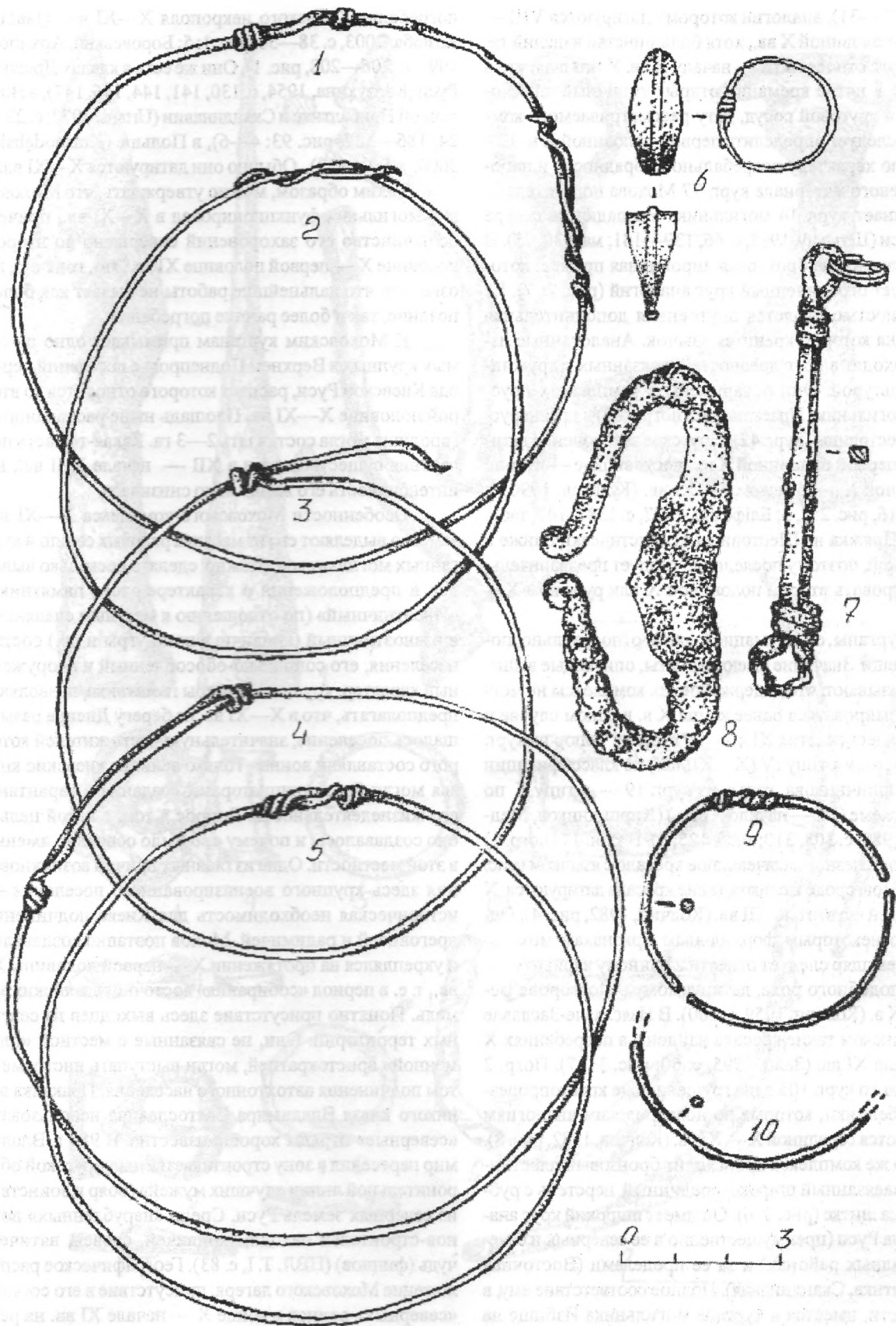

Рис. 1. Украшения и бытовые предметы: 1—5 — проволочные завязанные браслетообразные височные кольца из кург. 97, погр. 1; 6 — перстень из кург. 105, погр. 2; 7 — коромысло весов из кург. 17, погр. 2; 8 — кресало из кург. 17, погр. 1; 9—10 — обломки проволочных завязанных височных колец из кург. 19 (1—6; 9—10 — цветной металл; 8 — черный металл; 9 — стержень железный, дополнительное колечко бронзовое)

(рис. 3: 1—31), аналогіі которому датуюцца VIII — першай паловай X вв., хоць большасць вырабів таго круга адносяць да IX — пачатку X вв. Улічваючы, што ў кург. 77 ў пяцні крэмацыі адкрыты тыпічны «шэстоўіцкі» кругавы посуд, дату разглядаемага комплексу следваць вызначыць першай паловай X в. Увогуле, па характэру пагребальнай абраднасці і набору рэчывага матэрыяла кург. 77 Мохова паразітэльна напамінае кург. 14 могільніка Вышадкі на севере Беларусі (Штыхаў, 1992, с. 46, 139—141; мал. 30, 75). У кург. 2 выяўлена бронзавая ліровідная прэжка, якая мае абмежаваны круг аналягій (рис. 2: 7). Яе асабнасцю з'яўляецца ўнутраная дапаўняльная рамка, на якой крэпіцца язычок. Аналягичныя вырабы ўваходзяць у круг дрэвнасцей, звязаных з дружыннай культурай. Яны аднаўлены ў комплексах прусскага могільніка Ірзекапініс (пагр. 106) і дрэвнерускай Шэстоўіцы (кург. 42). Прусскае захароненне датуецца першай паловай X в., шэстоўіцкае — другой паловай X — рубяжом X—XI вв. (Кулаков, 1990, с. 111—116, рис. 2: 2, 3; Бліфельд, 1977, с. 138—141, табл. XI: 6). Прэжка з Шэстоўіцы стылістычэска бліжэй да моховскай, па гэтым следваць прадварытэльна датіраваць другой паловай X ці рубяжом X—XI вв.

Курганы з інгумацыяй даюць адносна пазднія рэчы. Значэнне маюць манеты, апісаныя вышэй. Яны паказваюць, што змяшчаючы іх комплексы не маглі сфарміравацца раней канца X в. ў адным выпадку і другога дзесяцілетця XI в. — ў другім. Топор з кург. 24 адносіцца да тыпу IV (X—XII вв.) па класіфікацыі А.Н. Кірпічнікава, копча з кург. 19 — да тыпу II па яго жэ схеме (IX — пачатку XI вв.) (Кірпічніков, Медведэв, 1982, с. 308, 310; табл. 125, 3). У кург. 17 (пагр. 1) знайдзена жалезнае калачевіднае крэсала з язычком (рис. 1: 8). У Новгараде Вялікім такія крэсала датуюцца X — трэцяй чвэрцю XII вв. (Колчін, 1982, рис. 4). Аднак па некаторым фармальным прызнакам моховскі аэземпляр следваць аднесці да ранняму варыянту вырабів падобнага рада, датуемаму ў Новгараде Вялікім X в. (Колчін, 1959, с. 100). У Ізяслаўле-Заслаўле пад Мінскам такія крэсала знайдзены ў пагребеннях X — пачатку XI вв. (Заяц, 1995, с. 60; рис. 34: 7). Пагр. 2 моховскага кург. 105 дала грушэвідныя крэстопрэрэзныя бубенчыкі, якія па новгарадскім аналягіям датуюцца сярэдняй X — XI вв. (Колчін, 1982, рис. 8). З таго жэ комплексу прыходзіць бронзавы пластінчаты завязаны шырокасэрадыны персень з рубчыком на шытцы (рис. 1: 6). Ян мае шырокі круг аналягій на Русі (прынамсць усе ў яе северных і северо-западных раёнах) і за яе прэделамі (Восточная Прыбалтыка, Скандынавія). Поўнае саотвэствіе яму, ў частнасці, маецца ў кургане могільніка Ізбішчы на севере Беларусі, датуваным канцам X — пачатку XI вв. (Штыхаў, 1992, мал. 46). У кург. 105 (пагр. 2) выяўлены пустотэлыя «шышечныя» бусы. Яны ўкрашаны зернямі, снабжаны напаяннымі полусфэрычэскімі выступамі-шышкыма (рис. 4: 1—3). Аналягіі бусам даюць

пагребення Кіевскага некропаля X—XI вв. (Івакін, Козыба, 2003, с. 38—50, рис. 1: 5; Боровскі, Архіпов, 1993, с. 206—208, рис. 1). Яны жэ ёсць у кладах Дрэвняй Русі (Корзухіна, 1954, с. 130, 141, 144, 146, 147), ў Восточнай Прыбалтыке і Скандынавіі (Urtans, 1977, с. 23—24, 186—187, рис. 93: 4—6), ў Польшы (Krasnodębski, 2000, s. 99—113). Обычна яны датуюцца X—XI вв.

Такім аэбразам, маэно ўтвэрджаць, што Моховскі могільнік функцыянаваў ў X—XI вв., прычэм большасць яго захароненняў савершэно ў другой паловай X — першай паловай XI вв. Это, канечна, не азначае, што далейшыя рэчы не выяўяць як больш пазднія, так і больш раннія пагребення.

К Моховскім курганам прымыкае адно з самых крупных ў Верхнем Поднепрэвье паселенняў перыода Кіевскай Русі, расцвэц якога адносіцца да другой паловай X—XI вв. Плошчы ныне распаханнага гарадышча маэла саствяляць 2—3 га. Кака-та часта паселення саствяляла і ў XII — пачатку XIII вв., но інтэнсыўнасць яго жыцця яўна знізілася.

Асабнасці Моховскага комплексу X—XI вв. замэтно выдэляюць яго з масыва рядовых селішч і курганных могільнікаў. Маэно саделать нескілька вывадаў і прэдпааўненняў аб характэре аэго памятнака. «Іноэтнічны» (па адношэнню да мясцных славянаў) і разнаэтнічны (крывічы, фінно-угры і др.) саств населення, яго сацыяльна-абоаоблабленны і воаружэны характэр, крупныя размеры памятнака, пааваляюць прэдпааўнаць, што ў X—XI вв. на бэреу Днэпра размаэчалася паселенне, значытэльную часта жытэляў якога саствялялі ваіны. Толька велікіе кіевскія князья маэли быць ініцыятарама састванія і гарантама яго жыцнедэятэльнасці. Вопрос ў том, са какай цэляю ано саствалася, і пачэму ано было аснована імянна ў аэтой мясцносці. Адна з глаўных прычынаў вознікновенія здысь крупнага военізаванага паселення — іасторычэская неабходнасць для Кіева падчыненія дрэговічэй і радымічэй. Мохов пээтапно саствался і ўкрэпляўся на прэтяжэнні X — першай паловы XI вв., т. е. ў перыод «сабараія» восточнославянскых зэмэль. Понятно прысаствіе здысь выходцаў з северных тэрыторыяў. Яны, не звязаныя са мясцной «плэменнай» арыаократыяй, маэли выступать інструмэнтам падчыненія аэахтонаага населенія. Практыка велікаа князя Владаміра Святославіча іапользаваць «северныя» аэтрады хоаошо іавестна. У 988 г. Владамір пераселіў ў зону строітэльства юэнорусскаа аоаоронітэльнаа лініа «лучшых мужей» (бояр і воіаство) з северных зэмэль Русі. Срэды «нарубленных» воінов-строітэляў наоаодім крывічэй, словен, вятічэй, чудь (фіннов) (ПВЛ. Т. I, с. 83). Географічэское располэженіе Моховскаа лагэря, прысаствіе ў яго саствіе «северных» воінов ў канца X — пачатку XI вв. на редкость точно саотвэствуюць іасторычэскаа саціауаціаі, апісанаа лэтопісцэма. Дэяствітэльно, ў аэауаах пэчэнежскаа апаасносці трэбааааалоь паадрэжэння аоаоронаоспаоснаосці даэе адаленных от юэных рубэжэй градов і военных лагэрей. К числу послэдных относіл-

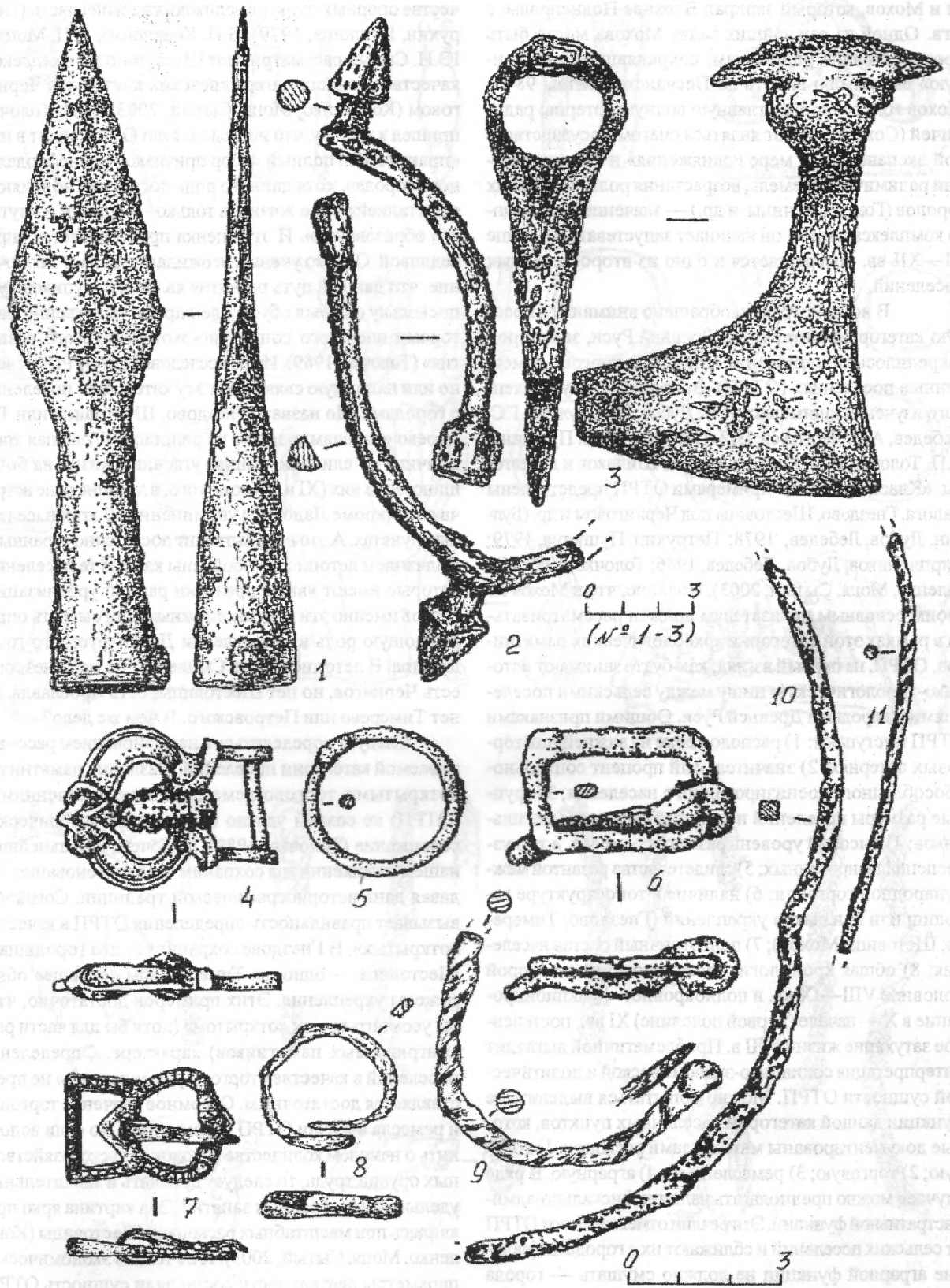

Рис. 2. Предметы вооружения, воинского быта и снаряжения: 1 — наконечник копья, кург. 19; 2 — шпора, поселение, транш. II; 3 — топор, кург. 24; 4 — бронзовая поясная пряжка с железным язычком, кург. 17, погр. 1; 5 — поясное кольцо, кург. 17, погр. 1; 6 — португейная пряжка, кург. 17, погр. 1; 7 — поясная пряжка, кург. 2; 8 — перстень, кург. 3; 9 — обломок железного браслета, кург. 3; 10—11 — обломки изделий из крученого дрота, кург. 17 (1—3, 6, 8—11 — черный металл; 4—5, 7 — цветной металл)

ся и Мохов, который запирает Верхнее Поднепровье с юга. Одной из важнейших задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим «племенную» автономию вплоть до Песчанской битвы 984 г. Мохов контролировал главную водную артерию радимичей (Сож) и сам мог являться очагом государственной экспансии. По мере «окняжения» и христианизации радимичских земель, возрастания роли княжеских городов (Гомеля, Речицы и др.) — значение Моховского комплекса падает, он начинает заустевать и в конце XI—XII вв. превращается в одно из второстепенных поселений.

В историографии обращено внимание на особую категорию памятников Древней Руси, за которой закрепилось наименование «открытые торгово-ремесленные поселения» (ОТРП). Вопросами их углубленного изучения занимались И.В. Дубов, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, А.Е. Леонтьев, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, П.П. Толочко, В.П. Коваленко, Е.А. Шинаков и др. авторы. «Классическими» примерами ОТРП представлены Ладога, Гнездово, Шестовица под Черниговом и др. (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978; Петрухин, Пушкина, 1979; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986; Толочко, 1989; Коваленко, Моця, Сытый, 2003). Полагаю, что и Мохов по своим основным показателям должен рассматриваться в рамках этой категории археологических памятников. ОТРП, на первый взгляд, как-будто занимают историко-типологическую нишу между сельскими поселениями и городами Древней Руси. Общими признаками ОТРП выступают: 1) расположение на важнейших торговых артериях; 2) значительный процент социально-обособленного военизированного населения; 3) крупные размеры поселений и сопутствующих им могильников; 4) высокий уровень развития ремесел, в т. ч. узкоспециализированных; 5) свидетельства развитой международной торговли; 6) наличие в топоструктуре городищ или признаков укреплений (Гнездово, Тимерево, Шетовица, Мохов); 7) полиэтничный состав населения; 8) общая хронология (возникновение во второй половине VIII—IX вв. и полнокровное функционирование в X — начале (первой половине) XI вв., постепенное затухание жизни в XI в. Проблематичной выглядит интерпретация социально-экономической и политической сущности ОТРП. Можно попытаться выделить те функции данной категории населенных пунктов, которые документированы материалами раскопок: 1) военную; 2) торговую; 3) ремесленную; 4) аграрную. В ряде случаев можно предполагать наличие фискально-административной функции. Эти реалии отмежевывают ОТРП от сельских поселений и сближают их с городами (наличие аграрной функции не должно смущать — города Руси носили «полуаграрный» характер) (Толочко, 1989).

Еще П.Н. Третьяков интерпретировал Сарское городище в Верхнем Поволжье (вероятное ОТРП) в качестве «эмбриона» города (Третьяков, 1941). И.В. Дубов квалифицировал Тимерево и пр. поселения под Ярославлем как «протогородские» (Дубов, 1982). В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина трактуют такие памятники в ка-

честве опорных пунктов великокняжеской власти (Петрухин, Пушкина, 1979). В.П. Коваленко, А.П. Моця и Ю.Н. Сытый рассматривают Шестовицкий комплекс в качестве военного лагеря киевских князей под Черниговом (Коваленко, Моця, Сытый, 2003). П.П. Толочко пришел к выводу, что исследователи ОТРП видят в них «практически полный набор признаков раннефеодального города», хотя данного рода поселения не являются «стадий» в его жизни, а только — «одним из путей его образования». И эта оценка представляется справедливой. Однако ученый неожиданно делает заключение, что данный путь развития является «тупиковым», поскольку он «был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития» (Толочко, 1989). И так, исследователи ОТРП косвенно или напрямую связывают эту категорию поселений с городами. Но назвать Гнездово, Шестовицу или Тимерево «городами» никто не решился. И главная тому причина — слишком раннее угасание жизни на большинстве из них (XI в.). Кроме того, в летописях не встречаются (кроме Ладоги?) упоминания об этих населенных пунктах. А это ведь выглядит достаточно странным: молчанием летописцев обойдены как раз те поселения, которые имеют явные признаки ранней урбанизации. И ведь именно эти центры должны были сыграть определяющую роль в становлении Древнерусского государства. В летописях есть Смоленск, но нет Гнездова, есть Чернигов, но нет Шестовицы, есть Ярославль, но нет Тимерево или Петровского. В чем же дело?

Следует определиться с наименованием рассматриваемой категории поселений. Название памятников «открытыми торгово-ремесленными поселениями» (ОТРП) не совсем удачно отражает их историческое содержание (Толочко, 1989). Впрочем, в дальнейшем нашем изложении мы сохраним это наименование, отдавая дань историографической традиции. Сомнение вызывает правильность определения ОТРП в качестве «открытых». В Гнездове сохранились два городища, в Шестовице — одно, на Тимеревском «селище» обнаружены укрепления. Этих примеров достаточно, чтобы усомниться в их «открытом» (хотя бы для части рассматриваемых памятников) характере. Определение поселений в качестве «торгово-ремесленных» не представляется достаточным. Огромное значение торговли и ремесла в жизни ОТРП несомненно. Но если вспомнить о немалом количестве находок сельскохозяйственных орудий труда, то следует признать и значительный удельный вес аграрных занятий. Эта картина ярко проявилась при масштабных раскопках Шестовицы (Коваленко, Моця, Сытый, 2003). И не только экономические параметры деятельности составляли сущность ОТРП. В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина справедливо усмотрели в них функции «опорных пунктов великокняжеской власти» (Петрухин, Пушкина, 1979). Следовательно, в определении — ОТРП — не отражена функция политико-административная. Почти все исследователи отмечают высокий процент среди жителей ОТРП военизирован-

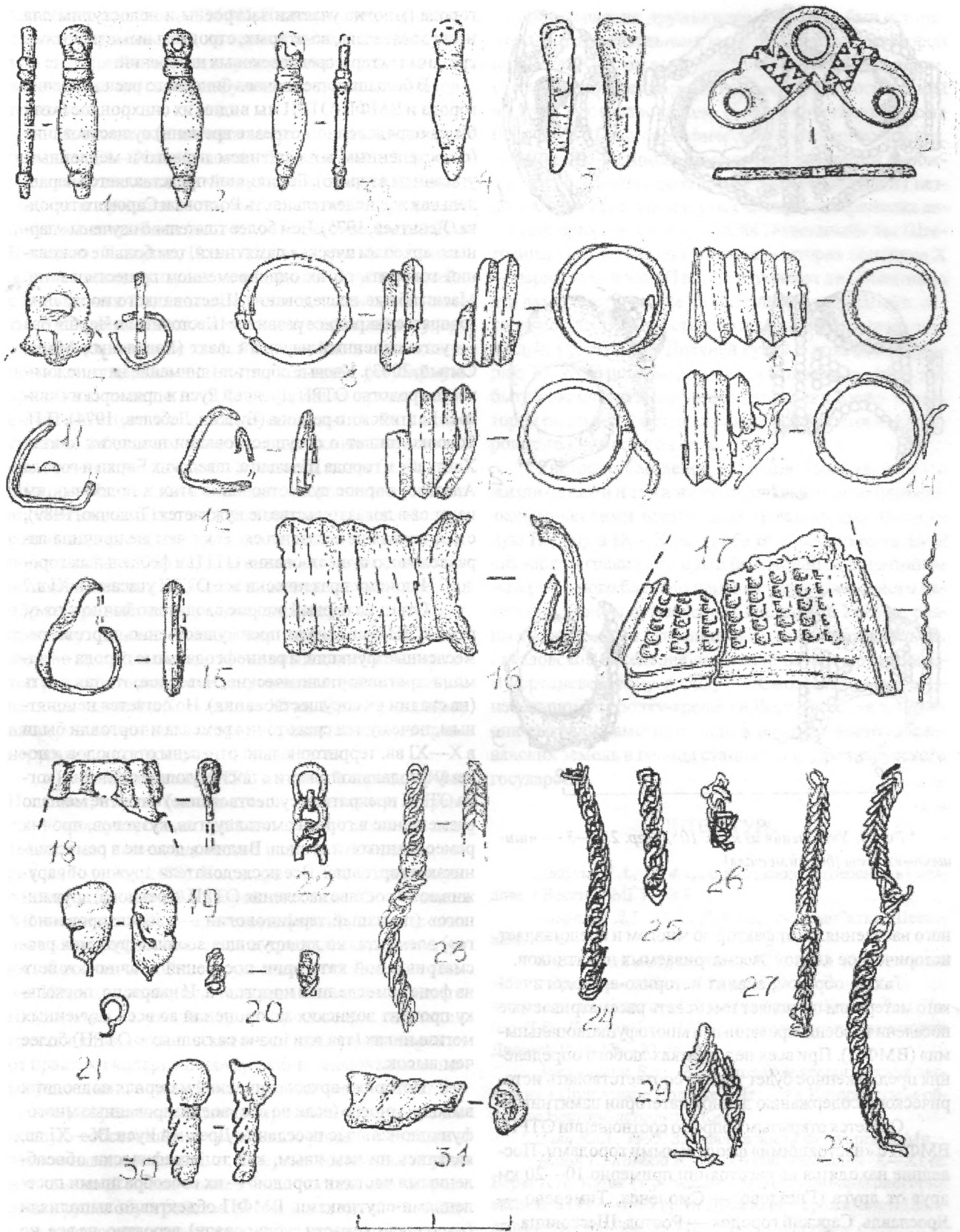

Рис. 3. Комплекс украшений из кургана 77: 1—4 — «ромбовидные» подвески; 5 — обломок изделия; 6-7 — трехдырчатые держатели; 8—16 — спиральки; 17—18 — трапецевидные подвески; 19—30 — остатки проволочных цепочек; 31 — оплавленная бусина-пронизка (1—4, 6—30 — цветной металл; 5 — кость; 31 — стекло)

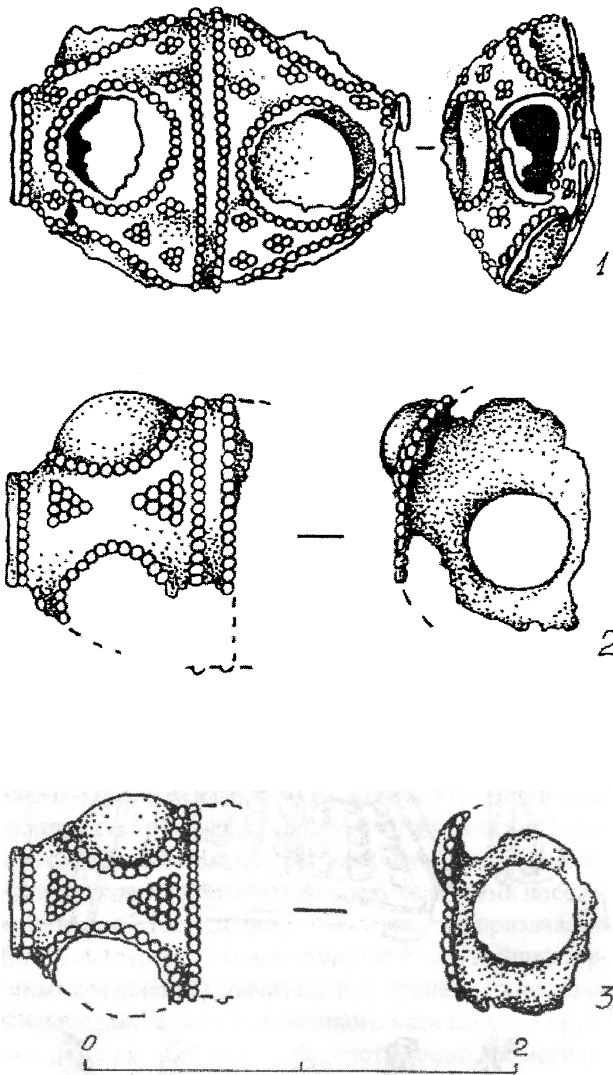

Рис. 4. Украшения из кург. 105, погр. 2: 1—3 — «шнурчатые» бусы (белый металл)

ного населения. Этот фактор во многом и представляет историческое «лицо» рассматриваемых памятников.

Таким образом, анализ историко-археологического материала позволяет именовать рассматриваемые поселения «военнообеспеченными многофункциональными» (ВМФП). При всех недостатках любого определения предложенное будет точнее соответствовать историческому содержанию данной категории памятников.

Остается открытым вопрос о соотношении ОТПП-ВМФП с «настоящими» феодальными городами. Последние находятся на расстоянии примерно 10—20 км друг от друга (Гнездово — Смоленск, Тимерево — Ярославль, Сарский городок — Ростов, Шестовица — Чернигов и др.). Кажущееся отсутствие в Смоленске культурных отложений X в. во многом способствовало развитию гипотезы о «переносе городов» (Дубов, 1983). Однако, если археологи не нашли в Смоленске слоев X в., это не означает, что их здесь не было. Во-первых, раскопки велись не во всех частях исторической зоны

города (многие участки застроены и недоступны для исследователей), во-вторых, строительными работами срезаны гектары средневековых наслоений.

В большинстве случаев бинарного расположения города и ВМФП-ОТПП мы видим их синхронное (хотя бы на определенном отрезке времени) существование (с постепенным возвышением первого и медленным угасанием второго). Бесспорной представляется параллельная жизнедеятельность Ростова и Сарского городка (Леонтьев, 1975). Чем более тщательно изучены «парные» археологические памятники, тем больше оснований говорить об их одновременном существовании. Масштабные исследования Шестовицкого поселения говорят: синхронное развитие Шестовицы и Чернигова — установленный научный факт (Коваленко, Моця, Сытый, 2003). Ученые обратили внимание на типологическое родство ОТПП Древней Руси и приморских «вигов» Балтийского региона (Булкин, Лебедев, 1974). П.П. Толочко пишет о сосуществовании немецких «вика» Хайтхабу и города Шлезвига, шведских Бирки и города Адельзо; парное существование этих и подобных им центров в доказательстве не нуждается (Толочко, 1989), с чем нельзя не согласиться. Так в чем же причина параллельного существования ОТПП и феодальных городов? И почему практически все ОТПП угасают в XI в.?

Ответ на первый вопрос сводится обычно к тому, что ОТПП выполняли преимущественно торгово-ремесленные функции, а раннефеодальные города — административно-политические. Наверное, это так и есть (на стадии их сосуществования). Но остается непонятным, почему эти средоточия ремесла и торговли были в X—XI вв. территориально отнесены от городов и почему феодальной власти в последующие столетия (когда ОТПП прекратили существование) никак не мешало размещение в городах металлургов, кузнецов, прочих ремесленников и купцов. Видимо, дело не в ремесленниках и торговцах. Все исследователи дружно обнаруживают в составе населения ОТПП «военного, дружинного» (по нашей терминологии — «военнообеспеченного») элемента, но лидирующая военная функция рассматриваемой категории поселений обычно «тонет» на фоне ремесленной и торговой. И напрасно, поскольку процент воинских захоронений во всех изученных могильниках (так или иначе связанных с ОТПП) более чем высок.

Историко-археологический материал подводит к выводу: многие (если не все) военнообеспеченные многофункциональные поселения Древней Руси IX—XI вв. являлись ни чем иным, как топографически обособленными частями городов — их своеобразными поселениями-спутниками. ВМФП объективно выполняли (дополняли, отчасти дублировали), вероятно, не все, но значительную часть спектра городских функций. Они действительно были отдельными поселениями, но преимущественно в географическом измерении. Превалирующая военная (и военно-полицейская) направленность жизнедеятельности во многом предопределила их «выносной» (за пределы «основной» части города)

характер размещения ВМФП. И здесь может скрываться часть разгадки этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации — парного существования городов и их военизированных многофункциональных спутников-поселений.

Воинские контингенты киевских князей во второй половине IX—X вв. (а потом, ближе к концу X в. — и первых их вассалов из числа членов правящей династии) были предназначены как для решения внешнеполитических проблем (походы на Византию, Волжскую Булгарию, Хазарию, Польшу), так и для «собрания» местных славянских, балтских и финно-угорских земель с последующей ликвидацией власти «племенной» элиты. В условиях становления раннефеодальной государственности киевские князья изначально и объективно не могли создать «общенациональную» регулярную армию и пошли по пути формирования армии наемнической (это вовсе не исключает наличия у них относительно небольших «киево-полянских» или «новгородско-словенских» дружин). Летописец, повествуя о важнейших событиях IX—X вв., почти всегда подчеркивает «полиэтнический» состав войск великих князей. Но уже в летописных статьях, посвященных событиям второй половины XI—XIII вв., на этническую принадлежность великокняжеских ратников внимание не обращается, ибо теперь войско формировалось не по этническому признаку. Данные наблюдения косвенно указывают именно на относительно временный и наемный характер разноэтничных военизированных формирований великих князей в X — начале XI вв. Примеров найма иностранных воинов на службу предостаточно и в древнерусских летописях, и в северных сагах.

Большая часть ОТРП исчезает к середине XI в. Полагают, что это было связано с изменением направлений международных торговых путей и активной деятельностью великокняжеской власти по созданию городов (Толочко, 1989). Но следует искать как минимум еще одну причину. Во второй половине XI — начале XII вв. по всей Руси археологи фиксируют массовое появление феодальных замков, которые свидетельствуют об оседании военно-дружинного сословия на землю. Широкие экономические возможности окрепшего государства, далеко зашедший процесс феодализации крестьянства, позволил киевским правителям перейти от практики «одаривания» дружины (включая наемников) деньгами, «оружием и портами» («вассалитет без ленов») к практике раздачи во временное держание и в полную собственность земельных угодий с селами и зависимыми крестьянами. Энергия беспокойной разноплеменной массы воинов была постепенно направлена в русло обустройства феодальных хозяйств, эксплуатация которых по сравнению с непредсказуемыми своими результатами военными походами, приносила их владельцам относительно устойчивый доход и обеспечивала содержание их разраставшегося окружения.

Вопрос о времени начала оседания на землю представителей дружинного сословия остается открытым. Л.В. Черепнин вполне убедительно показал, что

процесс оседания дружинников на землю был исторически продолжительным, но применительно ко второй половине XI в. он выступает свершившимся фактом. Полагаю, что именно развитие феодальных отношений на Руси и оказалось тем главным «могильщиком» ВМФП-ОТРП как специфической категории поселения. Впрочем, по-видимому, именно этот процесс и породил эти поселения в свое время. Расцвет Ладоги и Гнездова-Смоленска, упомянутых на первых страницах летописи, приходится на IX—X вв., «звездный» час Шестовицы — X в., «взлет» Мохова — вторая половина X — первая половина XI вв. Не отражают ли объективно эти даты, построенные на материалах археологии, историческую реальность поэтапной «феодализации» различных регионов Древней Руси? В этой связи историю Мохова правомерно рассматривать на фоне событий окончательного присоединения к Киеву территории радимичей и создания на землях дреговичей Туровского княжеского стола.

Гнездово-Смоленск и Мохов были вызваны к жизни одними и теми же политическими и социально-экономическими процессами, охватившими Восточную Европу в IX—X вв. И оба они оказались на пути «из варяг в греки», который был мощным источником материального благополучия их разноплеменного населения. Конечно, масштабы Гнездова и Мохова разные, как разными оказались и их дальнейшие судьбы. Гнездовское поселение положило начало крупнейшему средневековому городу — Смоленску, Мохов — небольшому городку-крепости Лоев. Вместе с тем, оба они сыграли заметную роль в истории восточнославянских земель в период становления Древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А., 1974. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник МГУ. № 1.
- Блифельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Боровський Я.Є., Архипов Є.І., 1993. Дослідження «Міста Ярослава» 1984—1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984—1989 рр. К. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.
- Завитневич В.З., 1892. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев.
- Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Мн.
- Івакін Г., Козюба В., 2003. Нові поховання X—XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997—1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Чернівці.
- Кирпичников А.Н., Дубов В.А., Лебедев Г.С., 1986. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1982. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Коваленко В., Моця А., Сытый Ю., 2003. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002

гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—X ст. Чернігів.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л.

Кулаков В.И., 1990. Ирзакапинис и Шестовицы // Проблемы археологии Южной Руси: Мат-лы ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26—28 сент. 1988 г. Киев.

Леонтьев А.В., 1975. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.). — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Макушников О.А., 2004. Мохов — крупнейший археологический комплекс X—XI вв. на юго-востоке Беларуси / Славянский мир Полесья в древности и средневековье (Мат-лы междунаrodn. научн. конф. 19—20 октября 2004 г.). Гомель.

Моця А.П., 1990. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси: Мат-лы ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26—28 сент. 1988 г. Киев.

Петрухин В.Я., Пушкіна Т.А., 1979. К предыстории древнерусского города. // История СССР. № 4.

Рябцевич В.Н., 2005. Монеты из Моховского некрополя // XIII Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 14—15 апреля 2005 г.). М.

Толочко П.П., 1989. Древнерусский феодальный город. К.

Третьяков П.Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. № 5.

Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.

Krasnodębski D., 2000. Medieval Borderland Inhabitants // Pipeline of Archaeological Treasures. Poznań.

Urtans V., 1977. Lenakie Depoziti Latvija (Lidr 1200 g.). Riga.

Aleh Makushnikau

BETWEEN GNIOZDOVO AND KIEV: MOKHAU ARCHEOLOGICAL COMPLEX OF X—XI CENTURIES IN SOUTH-EASTERN BELARUS

Summary

Basing on recent archeological research, the author of the article brings up the issue of one of the largest monument's existence in South-Eastern Belarus near the

village Mokhau (Loyeu district, Homel region). It can be attributed to the so-called "open trade-craft settlements" (OTCS) in Rus and the Baltic region. The author suggests that these settlements should better be called "militarized poly-functional settlements" (MPFS).

The Mokhau Complex consists of a burial field (over 600 barrows) and a settlement with hill fort remains (up to 25 ha total area). 37 barrows were excavated by V. Zavitnevich (1890) and A. Makushnikau (2003—2004). The excavations revealed a picture unusual for the region: a variety of funeral rites (inhumation and cremation), different orientation of the dead, and usage of barrow stones and remains of wooden chamber tombs. Objects of Kryviches, Balts and Baltic-Finnish origin are widespread in Mokhau. They have analogies in the Kryviches (Slavic-Balts) antiquities of Northern Belarus, Gniozdovo etc. Vessels with burnt stones were accidentally found here. They were corded with iron hoops (Scandinavian tradition). Armor and military tools (axes, spears, belts' details, iron bracelets, rings etc) were detected in the course of excavations. Scissors, a bucket, pocket scales and a set of weights do not seem to be typical of rural barrows. Such objects are characteristic of retinue burials of X—XI centuries, including Gniozdovo. It is unusual that coins were found in three Mokhau barrows. These were a Czech denarium of king Baliaslau II (972/3 — 999), two fragments of Kiev duke Vladimir Sviataslavavich's silver coins and remains of a X—XI centuries' bracteate. It is noteworthy, that the burials do not contain any elements of the local Drygaviches and Radzimiches population.

Mokhau was being gradually built-up and fortified by Kiev dukes in the period of Eastern Slavic lands' "gathering". Its major purpose was the subordination of the autochthonous population (Drygaviches and Radzimiches). Mokhau's geographical disposition and "Northern" warriors' presence in late X — early XI centuries perfectly correspond to the historical situation described in the chronicles. In the course of establishing duke's rule, Christianization of the Drygaviches and Radzimiches lands and increasing of duke's towns' role (Homel, Rechytsa and others), Mokhau's role decreases, it starts to become deserted and in late XI—XII centuries turns into a secondary settlement.